Виноградова Е.В.
Новороссийск МГА им.адм.Ф.Ф.Ушакова

ТЕУРГИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА Вл.СОЛОВЬЕВА

В основе всего философского творчества Вл.Соловьева лежит стремление к универсальному всеединству, достижению «Цельной жизни», на основе «цельного знания» и «цельного творчества». И путь к этому он видел в универсальном синтезе философии, науки и религии, т.е. в единстве знания, опыта и веры. Как религиозный философ он характеризует божественное начало как «вечное всеединое», что все сущее мира содержится в Боге, ибо всеединство есть не что иное как «единство и все», т.е. единство во множественности. «Все существует во всем. Каждая отдельная вещь – частичное проявление всего мира в целом. Первоединое же все обнимает и поэтому есть все». Первоединое, которое существует в цельном виде, а в отдельных вещах дана лишь от части – так поясняет идею всеединства А.Ф.Лосев в беседе с корреспондентом журнала «Наше наследие». [1.С]
В работе «Философские начала цельного знания» (1877 г.). Вл.Соловьев выводит как ключевое понятие «цельная жизнь». И это не просто субъективная целостность интеллектуальных, эмоциональных и творческих потенций, но есть живое и подлинное общение с Абсолютом. В работе «Критика отвлеченных начал; он утверждает, что абсолютное существует не иначе, как осуществленное в своем другом. И это понимание отношения между миром и Богом не совпадает с христианской идеей творения мира. [2] В «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьев дает свое понимание догмата о Троице. Он отличает Бога как абсолютно сущего от его содержания (идеи) предстоящей в лице Бога-Сына-Христа – или Логоса. Воплощение же этого содержания, или идеи, осуществляется в мировой душе – Софии, как третьего лица божественной Троицы. «…как сущий, различаясь от своей идеи, вместе с тем есть одно с нею. София есть тело Божие, материя (Божества, проникнутая началом божественного единства. Осуществляющий в себе или носящий это единство Христос как цельный божественный организм – универсальный и индивидуальный вместе – есть Логос и София».[3] И далее Соловьев пишет: «…произведенное единство, которому мы дали мистическое имя Софии, есть начало человечества, есть идеальный или нормальный человек». [4] Но он деле поясняет, что это не реальный человек и не совершенное человечество, а человечество как вечная идея, как Вечная Женственность, заключающаяся в божественном существе. Таким образом, идея Богочеловечества у Соловьева тесно связана с софиологией, которая и занимает видное место в эстетических воззрениях Соловьева. По мнению В.В.Бычкова, - «…софийные интуиции с ранней юности пробудились в душе Соловьева и постепенно вылились в многомерную художественно-философскую концепцию венчавшую его философию всеединства и воплощавшую его религиозную тоску по идеально Вселенской Церкви совершенного человеческого общества». [5]

Однако, в своих поздних работах Соловьев приходит к идее разделения души мира и Софии, их анномическому объединению. София здесь мыслится теперь как позитивное предвечное божественное. Начало, а душа мира – первая тварь, субстрат сотворенного мира, дисгармонического, хаотического, временного начала в Универсуме. [6] Это присутствие, по мнению Соловьева, хаотического, иррационального начала в глубине бытия дает различным явлениям природы особую силу и свободу, без которых не было бы ни самой жизни, ни красоты. И для бытия самой Софии как творческого начала необходима противоборствующая сила – душа мира, ее основа в тварном мире, ее второе тварное «Я». [7] Таким образом, в самом Универа….. имеется творческое начало, которое рождает красоту в борьбе с хаосом и тлением.

Но как же, по Соловьеву, осуществляется связь Бога и мира? Ведь если Бог как сущее есть трансцендентное духовное существо, то мы можем с позиции христианского вероучения, узнать о Нем только через откровения, ибо, как писано в Библии Бог сам сообщает о себе: Я есьм сущий». Но Соловьев считает, что непостижимое для разума сущее, может быть предметом мистического созерцания, особым образом понятой интеллектуальной интуиции. Которую Соловьев иногда называет вдохновением. Вслед за Шеллингом и романтиками он сближает, по мнению П.П.Гайденко, интеллектуальную интуицию с продуктивной способностью, воображения, (выступая в этом вопросе против Канта), а философию – с художественным творчеством, с вдохновением, но при этом трактует творческий акт с состоянием транса, состоянием пассивно-медиумическим, которое как считают многие мистики-духовидцы, открывает возможность прорыва в трансцендентный мир духов, не доступных ни разуму, ни эмпирическому опыту. [8]

Таким образом, Соловьев разработал философскую теорию «положительного всеединства», понимание искусства в духе мистической «свободной теургии», преображающий мир на путях к его

духовному совершенству, концепцию художественного выражения, «вечных идей и мистическое узрение Софии, как космического творческого принципа. [9]

В названии статьи отражена основная позиция Вл.Соловьева в отношении эстетики. Уже в одной из ранних работ в «Философских началах цельного знания» (1877) он увязывает художественное творчество с мистикой, указывая, что его цель есть «общение с высшим миром путем творческой деятельности». [1.С.152]

Хотя в другом месте этой же работы он художественное созерцание связывает не с мистическим опытом, а с «интеллектуальной интуицией». [1.С.205] Этот термин гораздо ближе к его действительным взглядам на художественное творчество. И под «теургией» он понимает свободное «общечеловеческое творчество», в котором свои высшие идеалы человечество осуществляет в материальной действительности, в природе». [1.С.176] Под «теургией», таким образом, Соловьев понимает собственно «искусство», в его высоком предназначении, отвечающем высоким идеалам и задачам, далекой от обыденщины, голого практицизма, жизненной прозы. Наконец, мистика, пишет Соловьев, изящное и техническое художество являются как одно мистическое творчество, или «теургия» [1.С.156]

«О лирической поэзии (по поводу последних стихотворений Фета и Полонского» (1890) он пишет, что предметом искусства является «существенная красота мировых явлений», для восприятия и воплощения которой нужен особый подъем души над обыкновенными ее состояниями». [2.С.210] И причиной такого подъема души является, по Соловьеву, дарование, гениальность, «актуальное проявление ее вдохновением». [2.С.210] И это вдохновение необходимо опять же для воплощения красоты мировых явлений. В работе «Общий смысл искусства» В.Соловьев отмечает, что высшей задачей искусства является его совпадение с концом мирового процесса, а пока история продолжается, искусство в своих лучших произведениях ухватывает проблески вечной красоты в нашей действительности, давая нам возможность «предощутить нездешнюю, грядущую для нас действительность. Искусство, таким образом, является переходом «связующим звеном» между красотой природы и красотой будущей жизни [3.С.398].

В этой же работе Вл.Соловьев говорит о роли и задаче искусства – это совершенное воплощение духовной полноты в нашей действительности, осуществление в ней абсолютной красоты или создание вселенского духовного организма. [3.С.398].

Интерес представляет выявление онтологических и гносеологических корней эстетического. Понять категорию эстетического в философской системе Вл.Соловьева можно лишь исходя из центральной идеи его философии – идеи всеединства. Ибо в основе всего философского творчества его лежит стремление к универсальному всеединству, достижению «цельной жизни», на основе «цельного знания» и «цельного творчества». И путь к нему – в универсальном синтезе философии, науки и религии, т.е. единстве знания, опыта и веры.

Эти идеи высказывает Вл.Соловьев в работе «Философские начала цельного знания» (1877). Понятие «цельная жизнь» - это не просто субъективная целостность интеллектуальных, эмоциональных и творческих потенций, но есть живое и подлинное общение с Абсолютом». И далее в учении Соловьева происходит тесное связывание познания, этики, этической сферы с эстетической, т.к. через это преодолевается, по его мнению, отвлеченный характер прежней философии. «Гармонический синтез» религии, философии и науки, рационального, эмпирического и мистического видов познания – цель Вл.Соловьева как философа. В его философской системе эстетика – необходимая составная часть целого. Более того, главной характеристикой эстетического у Соловьева выступает единство, гармония, согласие. И эстетическое начало изначально заложено в человеке и как бы пронизывает все сферы его жизни.

Более того, цельность, единство человек способен открыть в себе эстетически. Характеризуя эстетику Соловьева, исследователь его творчества Н.А.Кормин называет ее «святой гармонией». «Через все свои философские построения, - пишет Н.А.Кормин, - он (Соловьев) пронесет этот платоновский мотив эстетики как воспоминаний о святой гармонии, которая однажды открылась душе в ее трансцендентальном странствии. Но святость этой гармонии – это уже характеристика, взятая из другого прототипа трансцендентальной активности – из христианства, т.е. это гармония, идущая через Христа». [7.С.46] И, действительно, если в основе мира лежит гармония, то и знание (цельное) о нем будет носить эстетических характер. Уже цитируемый Кормин Н.А. замечает, что «как и у современных методологов науки, у Владимира Соловьева эстетически нормированным оказываются сами основания рациональности и логического мышления. Логически выверенное понимание органического и эстетического. Понимания не противостоят друг другу, а дополняют друг друга, более того, для Владимира Соловьева состояние, когда между логическим единством

некоторых определений, с одной стороны, чувством и душой, а значит, и красотой, с другой, можно обнаружить отношения соответствия». [4.С.126] При этом Соловьев считает, что окружающий мир можно постигнуть с помощью разума, а нравственно-эстетическое понимание принадлежит чувственно-полевой сфере. Таки образом, благо и красоту трудно подвести под логические категории, зато они исследуются с помощью чувственного познания и интуиции, но поскольку существует единство всех форм, то благо и красота тоже выступают в форме истины, но не как представления, а как проявления воли и чувств.

Мир, по Соловьеву, есть единство материального, духовного и божественного. Но божественная субстанция способна преобразовать материальный мир «светом божественной премудрости», то такое понимание мира называется самим Соловьевым теургическим. И человек в философии Соловьева с помощью разума способен воспринимать божественную премудрость и посему и преобразовывать мир по законная Истины, Добра и Красоты.

В вышеназванной работе «Философские начала цельного знания» различает понятия «свободной теургии» и художественного как единства общего и частного.

И все же теургический подход, к эстетике и связывание художественного созерцания с мистическим опытом сохраняется в трудах и позднего Соловьева. Так, в работе «Три речи в память Достоевского» Вл.Соловьев пишет, что «искусство должно быть реальной силой просветляющей и перерождающей весь человеческий мир». [9] С позиции Соловьева, в Достоевском благодатно соединяются теург и художник. Будучи религиозным человеком Достоевский, по Соловьеву, вместе с тем был вполне свободным мыслителем и могучим художником. «Эти три стороны, эти три высшие дела не разграничивались у него между собою и не исключали друг друга, а входили неразрывно в его деятельность. В своих убеждениях он никогда не отделял истину от добра и красоты: в своем художественном творчестве он никогда не ставил красоту отдельно от добра и истины. И он был прав, потому, что эти три живут только своим союзом. Добро, отделенное от истины и красоты – есть только неопределенное чувство, бессильный порыв, истина отвлеченная есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир [5.С.130] для Достоевского же это были только три неразлучные вида одной безусловной идеи [5.С.139]. И далее Соловьев продолжает развивать свои теургические идеи о том, что «открывшаяся в Христе бесконечность человеческой души способной вместить в себя всю бесконечность божества, эта идея есть вместе и величайшее добро и высочайшая истина, и совершеннейшая красота. Истина есть добро, мыслимое человеческим умом; красота есть то же добро и та же истина, телесно воплощенная в живой конкретной форме. И полное ее воплощение – уже во всем есть конец и цель, и совершенство, и вот почему Достоевский говорил, что красота спасет мир» [5.С.139]. Более того, в своих последних работах «Три разговора» (1899-1900) и в «Краткой повести об антихристе» он уточняет, что новая действительность рождается не деятельностью художников и поэтов, а выступлением церкви. Так, - замечает В.Ф.Эрн «Антихриста обличает и тем наносит смертельный удар старому миру не певец, не вдохновенный созидатель красоты звука или слова, а старец Иоанн, в котором сосредоточивается вся подвижническая энергия Церкви. А в работе «Три речи в память Достоевского» Соловьев говорит, что «Вселенская правда воплощается в Церкви….. Итак Церковь, как положительный общественный идеал, как основа и цель всех наших мыслей и дел, и всенародный подвиг, как прямой путь для осуществления этого идеала». [6.С.178]

И поэтому Соловьев считает, что изменение, преображение действительности не по плечу отдельному таланту, отдельному художнику, ни является делом художников. Только у тех. У кого есть «духовная сила веры» в истину и добро творят жизнь. Это те, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми – они же пророки истинно лучшие люди и вожди человечества» [5.С.136]. Таким человеком был Достоевский. Таким человеком, по Соловьеву, был и Пушкин, Лермонтов, и Мицкевич. В них видел Соловьев не «теургов», а пророков и духовных вождей. Хотя он при этом подчеркивает, что подвиг пророка является не менее важным чем «теургически созидаемым идеальным космосом», который есть «живая в себе сущая идея» [5.С.136]. И в величайших произведениях великих художников – происходит предварение нездешней, грядущей для нас действительности, задается предощущение ее». [5.С.134] Предощущение же грядущей красоты мира осуществляется мыслящим субъектом.

«…Красота, - подчеркивает, поясняет свою мысль Соловьев, - нужна для исполнения добра в материальном мире, ибо только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира».[8.С.76-77] И далее Соловьев пишет: «Для своей настоящей реализации добро и истина должны стать творческою силою в субъекте, преобразующего, а не отражающего только действительность». [8.С.76-77]

Таким же реалистическим характером по выражению А.Ф.Лосева, отличается статья В.Соловьева «Первый шаг к положительной эстетике» (1894), в которой он положительно оценивает эстетические воззрения Н.Г.Чернышевского в его работе «Об эстетическом отношении к действительности») Соловьев подчеркивает, что Чернышевский выступает здесь против «эстетического сепаратизма» и поддерживает мысль о том, что «искусство – по своему, своими средствами служит общей жизненной цели человечества». И далее: «эстетически прекрасное должно вести к реальному улучшению действительности». И что прекрасное – есть жизнь – это значимо и для автора, и для Соловьева и с мыслью Чернышевского о том, что жизнь, - как реальное и вполне объективное преображение человека, - это и есть настоящая красота и настоящее искусство» [8.С.76-77]. Но для материалиста Чернышевского искусство – это результат творческих способностей человека, а у мистика Соловьева творчество человека – это его способность постигать, ощущать божественную премудрость.

«Божественную красоту мира, в котором и заключен для него источник вдохновения. Так, в «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьев пишет: «И человек, как принадлежащей к обоим мирам, актом умственного созерцания может и должен касаться мира Божественного и, находясь еще в мире борьбы и смутной тревоги, вступать в общение с ясными образами из царства славы и вечной красоты. В особенности же это положительное, хотя и неполное познание или проникновение в действительность Божественного мира свойственно поэтическому творчеству. Всякий истинный поэт должен необходимо проникать «в отчизну пламени и слова», чтобы оттуда брать первообразы своих созданий и вместе с тем то внутреннее просветление, которое называется вдохновением и посредством которого мы и в нашей природной действительности можем находить звуки и краски для воплощения идеальных типов…» [9.С.103].

Интересно проанализировать критические статьи Вл.Соловьева о поэзии Пушкина, Лермонтова, Тютчева и других русских поэтов. В статье «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» Соловьев говорит о Пушкине как о поэте «по-преимуществу, более беспримесным, чем все, прочие, - выразителен чистой поэзии, таким образом, продолжает Соловьев, в его творчестве выявило себя «самое чистое и полное» выражение как «таковой» в ее эстетической сущности». И как бы проясняя свою мысль, Соловьев подчеркивает, что «Пушкинская поэзия есть поэзия по существу и по преимуществу» - не допускающая никакого частного и одностороннего определения. Самая сущность поэзии – то, что, собственно, ее составляет, или что поэтично само по себе, - нигде не проявлялось с такого чистотою, как именно у Пушкина…» [10.С.318-319] и далее Соловьев подчеркивает, что пушкинская поэзия служит выражением ее собственно эстетической природы». И далее в работе «Значение поэзии в стихотворениях А.С.Пушкина» говорит, что задача поэзии в ее особом «служении добру и истине» через красоту: «Поэзия, - продолжает свои рассуждения Соловьев, - может и должна служить делу истины и добра на земле, - но только по-своему, только своею красотою и ничем другим. Красота уже сама по себе находится в должном соотношении с истиной и добром, как их ощутительное проявление. Следовательно, все действительно поэтичное – значит, прекрасное – будет тем самым содержательно и полезно в лучшем смысле этого слова» [10.С.321]. Поэтому, по Соловьеву, поэт как «служитель красоты» является так же служителем «истины и добра» и далее Соловьев подчеркивает, что «…художнику достаточно быть верным красоте, а она уже сама сделает его произведения сообразными истине по своему внутреннему сродству с него. [10.С.259]

И говоря о творчестве художника, Соловьев подчеркивает его ответственность за ту духовность, которую он создает в своем творчестве. Так, в статье «Буддистские настроения в поэзии» [11.С.248] Соловьев как бы противопоставляет «буддистское» и «христианское» настроения, подчеркивая, что в буддизме происходит жизнеотрицание, а в христианской религии, напротив, происходит жизнеутверждение, как важная сторона, свойство подлинного художника, утверждающее своим творчеством Красоту, Истину и Добро.

Говоря же о буддистском взгляде на мир, Соловьев говорит, что подобный взгляд к жизни, с его решительным отрицанием заключает в себе относительную истину, ибо «склонный субъективно к отрицательному буддийскому взгляду на мир и жизнь поэт естественно и в предметах своего творчества находит и представляет только подтверждение этого взгляда. *Все существенное действует на него особенно своею отрицательною стороною*» (11.С.259). (последнее предложение выделено мной, т.к. здесь Соловьевым подмечена особенность вот такого «отрицательного» скептического, пессимистического взгляда на жизнь.

С другой стороны, если взгляд на мир будет радостным, то и поэзия художника есть «поэзия жизни и воскресения» и настроение поэта здесь христианское, жизнеутверждающее, оптимистическое. [11.С.233]

Но и в жизнеотрицании Соловьев находит положительный момент, ибо, по Соловьеву, он есть шаг к работе сознания и значит, есть движение к появлению «поэзии гармонической мысли» в творчестве таких художников как Ф.Тютчев, А.Н Толстой и др. [11.С.300-301]

Говоря о свободе творчества, Соловьев говорит о свободе поэтической души от всего чужого, которое противно вдохновению, подчеркивая, что «случайное, поверхностное содержание души человеческой» не нуждается в поэтическом откровении, оно «и без того явно во всей своей непривлекательности и нуждается не столько в откровении и увековечении, сколько в сокровении и забвении. Таким образом, поэтическая душа – это «свободная душа Софии», которая помогает человеку «войти в связь с Умом Христа и Святым Духом Бога» [11.С.61] И Свобода творчества, по Соловьеву, это открытость восприятию «божественных глаголов» и «видений первоначальных лучших дней», приходящих из той подсознательной области, которую сама душа тут же признает иною, высшею, и вместе с тем своею родною». [11.С.18]

Далее Соловьев подчеркивает, что истинный поэт, гениальный художник творит по вдохновению. «Настоящая чистая поэзия требует от своего жреца лишь неограниченной восприимчивости душевного чувства, чутко послушного высшему вдохновению». [10.С.323]. Он считает, что самое поэтическое, самое вдохновенное в душе поэта открывается его сознанию только через опыт поэтических явлений, как чтото данное свыше, а не задуманного или, придуманного умом». [10.С.329]

Но особая в представлении Соловьева роль поэта-пророка. Правда, пророчества бывают разные. Они могут быть как болезненные наросты в душе провидца, но лишь внутренняя красота души человеческой, состоящая в ее созвучии с объективным смыслом вселенной, в ее способности индивидуально воспринимать и воспринимать этот всеобъемлющий смысл мира и жизни», то это совсем другой образ пророка. [2.С.210] Получается, что истинный поэт-пророк тот, кто обнаруживает истину и несет ее своему народу, несет открыто, не «протаскавая» и не навязывая ее всем.

Говоря об эстетических воззрениях Вл.Соловьева, нельзя не сказать о нем как о замечательном русском поэте, философствующем поэте или как о поэте-философе. И говорить об этом всего труднее.

В оценке его творчества как поэта, сошлемся прежде всего, на высказывание В.В.Розанова, который сказал так: «…только в стихах Соловьев и выразил свое личное и особенное, свое оригинальное и новое. Только здесь и живет его «я», тогда как в 8-ми томах прозы живут только его способности и учености, острый ум диалектика и изумительная эрудиция…» [12.С.62]

Понимая творчество как связующее звено между красотой природы и идеальной красотой, которая должна быть достигнута человечеством. И эту творческую установку Соловьева –философа исполняет Соловьев –поэт. Как поэт он стремится с большей полнотой передать красоту мира и на основе этого увидеть будущее, идеальное состояние мира: «Развитие же природы для него – беспрерывно совершенствующееся, а потому несовершенное и незаконченное откровение. В таком понимании природы заключается один из наиболее могучих источников поэтического вдохновения Соловьева. Здесь корень того необычайного подъема душевного, которое вызывается в нем созерцанием ее красоты; когда он видит горы и море, у него вырастают крылья, а осенний вид вызывает в нем молитвенное настроение» - пишет в своих воспоминаниях Е.Трубецкой. [13.С.75]

В стихотворении «Осеннею дорогой» есть такие строки:

Замерла бесконечная даль,
И роскошно-блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.
И как будто земля уходя на покой,
Погрузилась в молитву без слов.
И спускается с неба невидимый рой
Бледнокрылых, безмолвных духов.

В этих поэтических интуициях Соловьев как бы прозревает природу, ощущает ее как ощущал ее наш далекий предок – первобытный человек. В другом стихотворении «Я озарен осеннею улыбкой» он выступает в общение с владычицей земли:

«…Плачь, осень, плачь – твои отрадны слезы!
Дрожащий лес, рыдания к небу шли!

Реви, о буря, все свои угрозы,
Чтоб истощить их на груди земли!
Владычица земли, небес и моря!
Ты мне слышна сквозь этот мрачный стон,
И вот твой взор, с враждебной мглою споря,
Вдруг озарил прозревший небосклон.
Родного сердца пламень ощутил я
Услышал трепет жизни мировой.

(Из стихотворения «Земля владычица к тебе чело склонил я» здесь видна вера в животворящую силу красоты мира и в торжество жизни над смертью и тленом.)

В Лондоне в 1875 г. Соловьев пишет стихотворение «Хоть мы навек незримыми цепями», в котором снова видим противостояние неба и земли, небесного и земного:

Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.
Все, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творит,
И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.

Здесь снова Соловьев поднимает проблему человеческой свободы, которое он последовательно решает в духе своей философии, в которой человек подчинен высшей воле, должен быть в согласии с Богом: «Но и в цепях должны решить мы сами, тот круг, что боги очертили нам», что позднее в работе «Философские начала цельного знания» Соловьев напишет: «….человек может быть действительно свободен только во внутренним соединении с истинно сущим». Понимая несовершенство материального мира, Соловьев говорил, что целью искусства, целью творчества является преодоление этого несовершенства, поэтому в истинном произведении искусства красота мира должна быть четко выражена, выявлена, одухотворена и увековечена. Продолжая эту мысль, Соловьев подчеркивает, что если физическими средствами она не выполнима, она «должна быть исполнена средствами человеческого творчества». Таково назначение искусства. И творчество человека является, по его мнению, продолжением созидания и совершенствования мира. И более того, дело преобразования мира, по Соловьеву, это дело не только человеческого разума, но и сердца. Идеи, говорит Соловьев, познаются интуицией, но для истинного их понимания и постижения необходимо сердце. В стихах у Соловьева и происходит это соединение разума и чувств, сердца и разума.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. Соч. в 2-х т. М., 1988, Т.2. С.152.
2. Соловьев В.С. О лирической поэзии… // Соловьев В.С. стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М., 1990.
3. Соловьев В.С. Общий смысл искусства. Соб.соч. в 2-х т. Т.2. М., 1988.
4. Кормин Н.А. Философская эстетика Владимира Соловьева. – М., 2001, ч.1. Святая гармония. С.46.
5. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Ерина Е.Б. История философии. Сб.текстов первоисточников. – Новороссийск, 2003. С.130.
6. Эрн В. Философия В.С.Соловьева // О Владимире Соловьева. – Томск, 1997, С.178.
7. Соловьев В.С. Общий смысл искусства. Полн.соб.соч. в 20 т. Т.3. М., 2001. С.134.
8. Соловьев В.С. Общий смысл искусства. Изд. в 10т. Т.7, С.76.
9. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Соч. в 2-х т., Т.2. – М., 1989. С.103.
10. Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В.С. Философия. Искусство. Литература.Критика. – М., 1991. С.323.
11. Соловьев В.С. Буддистские настроения в поэзии // Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М., 1990. С.248.
12. Розанов В.В. Автопортрет Вл.Соловьева // Вл.Соловьев: pro contra. – СПб., 2002.
13. Соловьев В.С. Философские начала цельною знания. – Минск, 1999, С.262.